

Интервью В.Л. Гинзбурга журналу [«ESQUIRE»](#)

ВИТАЛИЙ ГИНЗБУРГ

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ, ФИЗИК, 89 ЛЕТ

Судьба человека – не более чем цепь случайностей. Убеждаюсь в этом снова и снова. Вчера звонила внучка из Америки. Ее соседка, симпатичная женщина, ехала на машине – на нее наскочил грузовик, погибла. Врач, который решал, послать меня в «военную» группу в Университете или нет, поставил диагноз: воспаление щитовидной железы. И меня отправили в «гражданскую» группу. Никакого воспаления щитовидки никогда не было – возможно, он увидел, что вот, худенький мальчик, и пожалел, наверное. Меня тогда так и называли: дохлик. Я отнесся к этому фаталистически: отправят – пальцем не пошевелю, чтобы избежать призыва. Оставят здесь – особо рваться не буду. Почти все, кого забрали с моего курса, погибли.

Я не обскурантист, не считаю, что все сейчас плохо. Да, демократия у нас не та, судопроизводство не то. Но считать, что раньше было лучше – глубокое заблуждение. Когда товарищ Сталин хотел занять атомную бомбу – он был щедр на средства, и физики тогда не бедствовали. А биологию, например, он – погубил, уверовав в Лысенко, в этого лжеученого. Я не говорю уже про цензуру и лагеря. А не нравится тебе телевизор – не смотри. Я вот люблю посмотреть футбол.

Не люблю олигархов. Но не нравится и то, что делается – ну взяли бы у Ходорковского деньги, зачем в тюрьму сажать? Известно, что он через родителей очень помогал беспризорным детям.

Что в душе Путина – не знаю. По крайней мере, это деятельный человек, а не ничтожество, как Брежнев и некоторые другие вожди.

Если человек хочет уйти из жизни – нельзя ему в этом отказывать. Я сейчас пишу, читаю, беседую по телефону (Гинзбург больше года лежит в больнице из-за болезни крови. – Esquire), что-то делаю, но это все не то. Мне стоит жить только по одной причине: если я умру, жена – она очень огорчится. А детей у нас с ней, к сожалению, нет. Дочь только от первого брака, который имел место – ничего себе, как давно, в 37 году, а развелись мы в 1946 г. Конечно, я люблю дочь, двух внучек, правнука и правнучку; они тоже огорчатся моей смерти. Думаю, что огорчатся и некоторые другие люди.

«Единая Россия» все гребет под себя, хочет стать монополистом. Не очень корректное сравнение, но, кажется, это попытка возродить КПСС. Никогда бы за нее не голосовал.

Кто живет в России? Масса пьяниц, масса сволочей, но и масса достойных, в том числе дельных и интеллигентных людей.

Странно: у меня поменялось лицо. Был маленьким – был похож на отца. Сейчас – похож на мать: даже горбинка на носу выросла.

Когда Рамзану Кадырову жалуют титул академика РАН – мне смешно и грустно. Какой из него академик? Потом Российская академия естественных наук – это же сплошная липа, это добровольная организация, куда идут те, кого не выбрали в РАН или другие настоящие академии.

Воспоминание детства: 20-е годы, Москва, принесли свежее мясо для ребенка, для меня – оказалось мясом собаки.

Один известный физик очень не любил усы и бороду, и сказал: если ты идиот – зачем писать это на лице? Вот я тоже вслед за ним говорю: зачем мужчины носят бороду и усы? Но это же вопрос вкуса, хотя я такого вкуса и не понимаю.

Никогда не был франтом: больше двух костюмов никогда не водилось – хотя я, в общем-то, не был бедным человеком: научные работники получали как министры, и потом – эта Нобелевская премия. Но в СССР

никто особенно роскошно не одевался – в этом смысле я остался советским человеком. Часы купил себе в Японии, электронные, много лет назад – они до сих пор ходят, я их до сих пор ношу. В «Известиях», которые я всю жизнь читаю, описывают в разделе светской хроники, кто как был одет и что ел – вот это мне уже прямо противно.

Не признаю излишнюю политкорректность. Следствие этому – терроризм и хулиганство. Европейцы страдают из-за своей излишней мягкости, попустительства всякой сволочи. Если иммигрантам не нравится страна, которая их приютила, то пусть уезжают обратно.

Путин, если бы захотел, мог бы стать вторым Лукашенко – диктатором, незаконно удерживающим власть. Но он уходит. Я это приветствую. А революции в 2008-м – ее не будет: у нас более опытные силы безопасности.

Я не считаю – как многие, – что азербайджанцы, торгующие на рынках, – жулики. Но моими близкими друзьями они тоже, скорее всего, не смогли бы стать. Люди другой национальности обычно оказываются и людьми другой культуры. Я могу поговорить с ними о том, о сем, но не думаю, что у нас могли бы завязаться близкие отношения. Это касается и англичан, и зулусов. Но, разумеется, дело здесь не в крови, а в культуре, в воспитании.

Самое большое удовольствие кроме науки? Люблю смотреть телевидение, мы ходили иногда в театр с женой, книжки читаю. Но я, как и многие мои собратья, мало всегда этим занимался: наука все-таки требует очень большого напряженного труда.

Тех, кто сейчас ведет против ученых процессы, раньше назвали бы врагами народа. Я подробно знаком с делом Данилова – человек получил 14 лет за то, что будто-бы шпионил на Китай. Не знаю, чем руководствуется ФСБ – возможно, кто-то зарабатывает лишние нашивки. Странно было бы после осуждения невинных людей ожидать того, что в спецнауку пойдут молодые. Кто же сейчас станет заниматься секретной работой – а секретность иногда нужна, – если все время будет риск попасть в лапы к вот таким деятелям?

Я враг всяких чудес: я не верю, что люди могут воскресать. Но завидую верующим – у них есть утешение. Религия – частное дело человека, с ней не нужно бороться, но недопустимо ее навязывать.

Спорт с наукой роднит то, что они перестали ассоциироваться с конкретной страной. Но никто, слава богу, не арендует ученых. Я не понимаю: футболиста «Челси» арендует какая-то другая команда. Человека сдают в аренду. Я люблю футбол, но он превратился в какую-то лавочку. Противно, что раньше были футболисты – а теперь это

гладиаторы, которых продают и покупают. И еще меня возмущают гонорары: почему этот мальчишка, у которого хорошие ноги, должен получать в сто раз больше, чем я, чем врач, чем хороший рабочий?

Да, я один из создателей водородной бомбы. И не раскаиваюсь в этом. Вопрос в том – для чего ее создавать? Гитлер, безусловно, хотел создать бомбу для победы. И если бы у него получилось – он бы, не задумываясь, сбросил ее куда ему надо. Американцы – их я полностью оправдываю. Они бомбой занялись от испуга: а вдруг немцы сделают раньше? И тогда им несдобровать. Что касается наших, то я хорошо знал Тамма – это был мой учитель, Сахаров работал в отделе, который я возглавлял. Они, безусловно, действовали из патриотических соображений. Тогда было такое чувство: если мы не сделаем свою бомбу, то будем в руках тех же американцев. Никаких угрызений совести я тогда не чувствовал. Только потом понял: если бы товарищ Сталин получил первым эту бомбу – он бы и пяти минут не раздумывал, чтобы сбросить и захватить всю Европу, весь мир. Страшное оружие нельзя давать таким людям. И я совершенно не понимаю, почему цацкаются сейчас с Северной Кореей, Ираном. По-моему, в этой ситуации все зависит от нас – надо прикрикнуть на них как следует. Но только никогда они не применяют оружие – это чистый шантаж: их же за пять минут уничтожат.

Единственное, что помню про маму: стою около кровати и за косу ее тяну. Она умерла от тифа, когда мне было 4 года. Ее звали Августа

Вильдауер – она до 12 лет по-русски не говорила: в Латвии учили дети немецкий. Меня воспитала ее сестра Роза.

Я долго был большим дураком. Я познакомился со своей женой Ниной в 1945 г. в гостях у одного физика в Горьком. Она была тогда ссыльной, ее обвиняли в покушении на Сталина, она сидела. Когда она мне все это сказала, я был вне себя. Допустим, вы во что-то верите, а потом оказывается, что все это ложь. Я занимался своей наукой и верил в коммунизм. Это, наверное, было связано с судьбой семьи: у нас в семье никого не арестовали, у нас не было знакомых, которых бы арестовали. Но я оставался дураком и когда узнал свою жену. Она мне рассказывала о всяких «прелестях» – как она там сидела, а я думал, что это локально, что это КГБ, и Сталин ни при чем. Когда узнал правду, я прямо заболел тогда – не то что сошел с ума, а начал вести себя очень неосторожно, начал ругать все. И вдруг мы с Ниной замечаем, что нас стали избегать наши знакомые. Потом один из них рассказал, что его вызывали в КГБ и спрашивали, что такое Гинзбург. Меня перестали пускать за границу. Но я и сейчас не понимаю, что происходит. Слушаю «Эхо Москвы», «Свободу» – все время идут дискуссии, масса критических замечаний, но никто ничего не понимает. Казалось, после свержения коммунизма наступит демократическое счастье, но вот оно захлебнулось. Пока в стране я вижу только какую-то апатию.

Как пел Галич не нужно ориентироваться на тех, «кто знает, как надо» и фанатично проводит свою линию, несмотря ни на что. Какие-то мнения имею, но это совершенно разные вещи: быть уверенным в своей правоте и несмотря ни на что осуществлять свое знание. Или иметь мнение, понимая, что оно может оказаться ошибочным.

Моя мечта – создать такие сверхпроводники, которые будут работать при комнатной температуре, то есть их можно не охлаждать. Раньше можно было охлаждать только жидким гелием, но это дорого. Сейчас можно жидким азотом. Я сорок лет этим занимаюсь – уже кое-что появилось, но далеко не все внедрено, потому что эти провода оказываются хрупкими, дорогими и т. д. Но можно ли создать комнатотемпературные сверхпроводники? Это заранее не ясно, как и в случае многих проблем фундаментальной науки. Люди же, не понимающие, что такое фундаментальная наука, еще заранее требуют сообщить, когда возможное открытие будет внедрено. Но это абсурдный вопрос – внедрение обычно занимает много времени. Министр Греф просто какой-то мракобес. Выступая на заседании Правительства, сказал, что вообще фундаментальная наука не нужна. Я понимаю, народ бедный, и нужно раньше думать о здравоохранении и образовании, но все что ни возьми сейчас – сотовый телефон и т. д. – все основано на науке. У нас говорят: мало Нобелевских премий на Россию приходится. Раньше это пытались приписать и сейчас приписывают, что они, мол, там против России. Да чепуха это на постном масле. Просто у нас первоклассных исследований в области физики, биологии не так уж много. Наука же требует больших денег. И ни в коем случае от нее нельзя требовать моментальной

реализации: вынь да положь. Законы физики, приведшие к изобретению радио и телевидения, были открыты в середине XIX века. От открытия явлений до их применения иногда проходят десятилетия. Но бизнесмены и промышленность не хотят ждать даже 20–30 лет.

В 2003-м меня пригласили к Путину – в честь вручения мне и академику Абрикосову Нобелевской премии. А потом позвонили и сказали, что нет, не состоится. Ну не состоится и не состоится. Встречаю Абрикосова уже при вручении – он говорит: «Да, приглашали, но я отказался». Он же уехал в Америку после перестройки, обложил советскую науку где-то в газетах, возвращаться не хочет. Он говорит: «А вдруг меня задержат, как когда-то Капицу?»»

С Нобелевской премией по литературе – выкрутасы. Хорошего впечатления она на меня не производит – дают каким-то совершенно непонятным личностям.

Мне говорят: такие деньги огромные ты получил, почти 400 тысяч долларов. Но моя Нобелевская премия – это всего лишь один приборчик или скромная квартира. К тому же я ее в значительной мере раздал родственникам. Поэтому сейчас, когда в связи с болезнью нужны деньги, мы продаем дачу.

Разницы большой между 89-ю и 79-ю годами уже нет. Разве что трудно мне теперь лежа вычислять и даже писать, а многое стал забывать. Был такой замечательный физик и человек Леонид Мандельштам. Незадолго до его смерти я два раза был у него дома и беседовал с ним. Ему какие-то глупости, в частности, сказал, а он мне с такой милой улыбкой отвечает: «Знаете, занимайтесь-ка вы сейчас своим делом, то есть физикой. А будет вам 60 лет – в то время мне было примерно тридцать – вот тогда и займетесь философией и публицистикой». Так и получилось: в 70 лет я был выбран народным депутатом СССР вместе с Сахаровым, на науку меньше стал времени тратить.

Сейчас мне 89 – странно, что я еще рыпаюсь. Вот, например, написал недавно генеральному директору «Известий» письмо о том, чем плохи эти их астрологические прогнозы. Что это не милая забава, как кому-то может показаться, а вредная штука, которая пудрит мозги. В New York Times и других приличных газетах на Западе – в них нет гороскопа. Через месяц он мне ответил: да, я с вами согласен, но у нас демократия, поэтому вопрос о том, что печатать, решаю не я, а главный редактор. Хорошенькая позиция, оправдывающая невмешательство в деятельность людей, не заботящихся о просвещении народа.

Сахаров стал заниматься бомбой из-за квартиры. Он был у нас аспирантом. А у него маленький ребенок, и не было квартиры – где-то

снимал что-то. Директор нашего института Вавилов сказал Тамму: включите его в свой список, допущенных к этому делу, то есть к созданию бомбы, – и ему дадут сразу квартиру. И действительно, добыли ему, кажется, комнату 14 кв. метров. И меня спасла бомба. Меня начали обвинять в космополитизме, идеализме, черте в чем, появились какие-то статьи в газетах – но тут очень понадобилась бомба, а у меня, видимо, был высокий рейтинг.

Академик – все еще звучит. В больнице при Академии Наук СССР специально оставляли койки для тех, кто не прошел выборы в академики (теперь это РАН). Как обстоит дело сейчас – не знаю. Но мне сегодняшние выборы в РАН просто отвратительны, хотя, конечно, большинство выбранных достойны, во всяком случае по Отделению физических наук РАН.

В 2001-м я напророчествовал себе. Я с 50-х в ФИАН'е вел физический семинар – на 1700-м заседании решил его закрыть. Устроили капустник. Я выхожу и рассказываю про актрису Яблочкину, которая играла кажется до 98 лет: ее выкатывали на коляске, она что-то говорила, ее отвозили. Так вот, говорю, я бы не хотел, чтобы меня так же выкатывали, а потому сегодня объявляется последнее заседание. Как в воду глядел: сейчас не могу ходить.